

ЭПИТЕТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI ВЕКОВ: СЕМАНТИКА ВНУТРЕННЕГО КАЧЕСТВА

А. А. Папейко

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики начального образования

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются особенности образной характеристики жизни и смерти в русском поэтическом дискурсе XX–XXI веков. Описываются следующие подгруппы эпитетов: отношение к окружающему; грусть и веселье; интенсивность проявления; беспечность и тревожность; величие и низость; ментальные свойства; обусловленность физиологическим состоянием; греховность и праведность; уровень культуры и др.

Ключевые слова: концепт, лексический репрезентант, русская поэзия, поэтический дискурс, семантика, эпитет, жизнь, смерть.

Введение

Жизнь и смерть принадлежат к числу лингвокультурных понятий, изучение которых позволяет получить представление о важнейших фрагментах языковой картины мира [1]. Воплощенные в дискурсе посредством тех или иных лексических реализаций названные концепты трактуются как ключевые многими авторитетными учеными [2–6], при этом часто прослеживается логически оправданное стремление к рассмотрению *жизни* и *смерти* в качестве членов бинарной оппозиции, отношения в рамках которой не исчерпываются антонимией [7–10].

Невозможность непосредственного наблюдения за концептом как ментальным образованием приводит к тому, что, помимо определения перечня актуальных лексических репрезентантов, необходимо продумать стратегию описания и классификации, учитывающую одновременно и формально-грамматические, и смысловые признаки языковых единиц. С этой целью в рамках диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование» нами была

разработана методика для описания концептов *жизнь* и *смерть*, учитывающая следующие образные средства с участием одноименных лексических репрезентантов: субстантивные метафоры; субстантивные сравнения; эпитеты; субъектные глагольные метафоры; объектные глагольные метафоры. В рамках каждого из перечисленных образных средств были выявлены 20 соотносимых смысловых групп, выделяемых в лексико-семантических полях *жизни* и *смерти* и дающих возможность частотного и смыслового сопоставления. Некоторые результаты апробации данной методики на материале творчества М. И. Цветаевой были опубликованы ранее [11–14].

Цель данной статьи заключается в рассмотрении группы эпитетов *жизни* и *смерти* с общей семантикой внутреннего качества. Фактической базой исследования послужили поэтические произведения 31 автора, написанные в период с 1901 по 2022 г. и содержащие в совокупности более 2,2 млн словоупотреблений. Источником текстового материала послужил Национальный корпус русского языка [15], а также различные литературные ресурсы, персональные страницы и личные архивы авторов.

Основная часть

Сплошная выборка из рассмотренных текстов показала в общей сложности 1206 примеров эпитетов *жизни* и 320 эпитетов *смерти* (495 и 213 разных слов соответственно), что дает соотношение эпитетов *жизни* и *смерти* $1206 : 320 \approx 3,77$ раза. Одной из частых в лексико-семантическом поле *жизни* (3-е место; 128 примеров, 83 разных слова, 10,61%) и самой частой в поле *смерти* (1-е место; 52 примера, 39 разных слов, 16,25%) проявила себя группа эпитетов с общей семантикой внутреннего качества.

Данные эпитеты осуществляют образную характеристику *жизни* по следующим направ-

лениям (цифры в скобках обозначают количество употреблений того или иного слова, если значение больше 1):

1) качества по отношению к окружающим – *беспощадная* (2), *благосклонная*, *грозная* (2), *грубая* (4), *жестокая* (2), *злая*, *любезная*, *милая* (8), *насмешливая*, *нежная* (2), *строгая* (3), *суровая* (3), *холодная*;

2) грусть и веселье, удовольствие и не-удовольствие – *блаженная*, *веселая* (в т.ч. *веселенькая*) (7), *грустная* (4), *занудливая*, *несчастливая*, *печальная* (4), *скорбная*, *скудная* (в т.ч. *скушная*) (2);

3) интенсивность проявления – *бесноватая*, *бешеная* (2), *бешеная*, *кроткая*, *лихая*, *мятежная*, *неистовая*, *пылкая* (2), *спокойная*, *страстная*, *терпеливая*, *удалая*, *чумная*, *шальная*;

4) беспечность и тревожность, отношение к обязанностям – *беззаботная*, *беспечальная*, *беспечная* (2), *беспокойная*, *ветреная* (2), *тревожная*;

5) величие и низость, честность и лицемерие – *верная*, *гнусная*, *лживая*, *лицемерная*, *лукавая*, *подлая* (2), *хитрая*, *честная*;

6) ментальные свойства – *безумная* (2), *беспамятная*, *глупая*, *забывчивая*, *задумчивая*, *зломудрая*, *мудрая*, *несмышленная*;

7) обусловленность физиологическим состоянием – *бессонная*, *больная* (2), *пьяная*, *усталая*;

8) степень целесообразности, защищенности, уверенности – *беззащитная*, *бесприютная*, *беспутная* (2), *бесталанная*, *вздорная*, *незадачливая*, *непутевая*, *удивленная*;

9) греховность и праведность, наличие вины – *алчная*, *грешиная* (2), *девственная*, *жадная*, *невинная*, *неповинная*, *праведная*, *развратная* (2), *святая* (3), *сластолюбивая*;

10) культура, образованность, обработка – *дикая* (в т.ч. *дикуватая*) (3), *дремучая*, *породистая*, *сорная*.

Эпитеты *смерти* показывают соответствие первым девяти из перечисленных выше подгрупп:

1) *безжалостная*, *грозная*, *грубая* (3), *добрая*, *жестокая*, *злая* (2), *лютая*, *милая*, *недобрая*, *нежная*, *неласковая*, *справедливая*;

2) *блаженная* (3), *веселая* (2), *грустная*, *нудная*, *печальная* (2), *угрюмая*, *хмурая*;

3) *бесстрастная* (2), *кроткая*, *лихая*, *окрыленная*, *шальная*;

4) *деловитая*, *усердная*;

5) *величавая*, *верная* (4), *гордая*, *правдивая*, *трусливая*;

6) *любопытная*, *памятливая*, *пристальная*;

7) *ненасытная*, *пьяная* (3);

8) *доверчивая*, *растерянная*;

9) *невинная*.

С учетом соотношения количества разных слов, представляющих лексико-семантические поля *жизни* и *смерти* в рамках данной группы (83 и 39 соответственно), обращают на себя внимание эпитеты в первых двух подгруппах, в которых *смерть* получает характеристику, по лексическому разнообразию практически не уступающую отражению *жизни*: количество разных слов, представляющих лексико-семантические поля *жизни* и *смерти*, составляет, соответственно, в первой подгруппе 13 и 12, а во второй 8 и 7. При этом заметно, что характеристика как *жизни*, так и *смерти* в рамках одной и той же подгруппы зачастую полярна.

Так, в плане качеств по отношению к окружающим (подгруппа №1) *жизнь*, с одной стороны, показана как *беспощадная*, *грозная*, *грубая*, *жестокая*, *злая*, *строгая*, *суровая*, а с другой – как *благосклонная*, *любезная*, *милая*, *нежная*; интересно, что и с точки зрения лексического разнообразия, и с точки зрения совокупного количества примеров преобладают эпитеты с отрицательной коннотацией, например: *Но жизнь свежа и беспощадна: / в черемухи прощальный день / глаз безутешный – мрачно, жадно / успел воззриться на сирень.* (Ахмадулина) *Мне нравится, что жизнь со мной – груба / и так насмешлива, подробна и неуместна...* (Воденников) *Я пью за разоренный дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоем, / И за тебя я пью, – / За ложь меня предавших губ, / За мертвый холод глаз, / За то, что мир жесток и груб, / За то, что Бог не спас.* (Ахматова) В рамках этой же подгруппы *смерть*, с одной стороны, предстает как *безжалостная*, *грозная*, *грубая*, *жестокая*, *злая*, *лютая*, *недобрая*, *неласковая*, а с другой – как *добрая*, *милая*, *нежная*, *справедливая*; заметно, что в плане лексического разнообразия и совокупного количества примеров также преобладают эпитеты с обобщенной отрицательной оценкой, например: *Теперь ты знаешь тяжкий труд / И дуновение смерти грозной, / Ты знаешь бешенство минут, / Припоминая слово «поздно».* (Гумилев) *...без пощады Смерть в Аид низводит души, / Напрасно к ней взывать; / Жестокая, она, заткнув упрямо уши, / Не хочет нам внимать.* (Брюсов) *Вот лежу я на койке, как чайничек, / Злая смерть надо мною кружит, / А начальник мой, а начальник, / Он в отдельной палате лежит.* (Галич)

В подгруппе №2 с общим значением эмоций, настроения, ощущений (грусть и веселье, удовольствие и неудовольствие) *жизнь* изображается, с одной стороны, как *блаженная, веселая*, а с другой – как *грустная, занудливая, несчастная, печальная, скорбная, скучная*. *Смерть* в рамках этой же подгруппы определяется эпитетами *блаженная, веселая*, которым противостоят отрицательно окрашенные образные определения *грустная, нудная, печальная, угрюмая, хмурая*. Как и в случае с первой подгруппой, в обоих лексико-семантических полях преобладают эпитеты негативной окраски, например: *А там: Уйдем, уйдем от жизни, / Уйдем от этой грустной жизни!* (Блок) *Но только тот действительно спортсмен – / Кто разорвал печальной жизни плен: / Он знает мир, где дышит радость, пенясь...* (Мандельштам) – Сравн.: *Когда его художник милый / Выводит на стеклянной тверди, / В сознании минутной силы, / В забвении печальной смерти.* (Мандельштам)

В остальных подгруппах эпитетов полярность характеристики также прослеживается, хотя и проявляется более четко в лексико-семантическом поле *жизни*, что объясняется количеством зафиксированных примеров. Например, в подгруппе №3 эпитеты *жизни* по принципу интенсивности проявления разделяются на: а) *бесноватая, бесшабашная, беишенная, лихая, мятежная, неистовая, пылкая, страстная, удалая, чумная, шальная*; б) *кроткая, спокойная, терпеливая*. Аналогичное разделение эпитетов смерти оказывается следующим: а) *лихая, окрыленная, шальная*; б) *бесстрастная, кроткая*. Заметно, что в поле *жизни* очевидно преобладают эпитеты с общей семантикой активности, интенсивности, силы проявления, в то время как в поле *смерти* обнаруживается смысловое и количественное равноправие эпитетов, выражающих страсть и бесстрашие, лихость и кротость, например: *Жизнь – как вода, / вел я всегда / жизнь бесшабашную. / Все ерунда, / кроме суда / самого страшного.* (Высоцкий) *Прошумела в ратном поле / Жизнь мятежная моя.* (Брюсов) *А про что умолчал в этой жизни чумной? / Умолчал про стихи, убиенные мной.* (Егоров) – Сравн.: *Пусть говорят: любовь крылата, – / Смерть окрыленное стократ.* (Мандельштам) *Выход один беднякам и богатым: / Смерть – это самый бесстрастный анатом.* (Высоцкий)

В подгруппе №4 (беспечность и тревожность, выполнение обязанностей) *жизнь* показана как *беззаботная, беспечальная, беспеч-*

ная, ветреная Vs. *беспокойная, тревожная*; в то же время *смерть* предстает только как *деловитая и усердная*. Подгруппа №5 (величие и низость, честность и лицемерие) наделяет *жизнь* такими качествами, как *верная, честная* Vs. *гнусная, лживая, лицемерная, лукавая, подлая, хитрая* с заметным акцентом на качествах отрицательных, а *смерть* характеризуется как *величавая, верная, гордая, правдивая* Vs. *трусливая* с явным акцентом на качествах положительных, например: *Вынужденные страдать – / Мы, печальники на время, / Вынуждены принимать / Лицемерной жизни бремя.* (Мандельштам) *Значит, жизнь такая подлая – / лежи и в грязь встывай?! (Евтушенко) – Сравн.: Дай мне / ясной жизни, / судьба! / Дай мне / гордой смерти, / судьба! (Рождественский)*

Подгруппа №6 (ментальные свойства) называет такие внутренние качества *жизни*, как *безумная, беспамятная, глупая, забывчивая, несмысленная* Vs. *задумчивая, зломудрая, мудрая*, т.е. обозначается как высокий, так и низкий уровень памяти, внимания, интеллекта; в поле *смерти* обозначены только качества *любопытная, памятливая, пристальная*, свидетельствующие о развитом внимании и хорошей памяти, например: *Я коротаю жизнь мою, / Мою безумную, глущую: / Сегодня – трезво торжествую, / А завтра – плачу и пою.* (Блок) *Беспамятна лишь жизнь, – такой не назовем / Ее сестру, – последняя дремота / В назначенный вчера, сегодня входит дом, / И целый день стоят открытыми ворота.* (Ахматова) *И тут была страшная битва, / И дым, и грохот – и снова / Наш город тихий / Живет задумчивой жизнью...* (Шварц) – Сравн.: *И перед тем как ринуться, посметь – / В висок... наискосок к затылку, / Вдруг загляделась пристальная Смерть / На жалкую взбесившуюся жилку.* (Высоцкий)

Если в описанных выше подгруппах №1 (качества по отношению к окружающим) и №2 (грусть и веселье, удовольствие и неудовольствие) наблюдается приблизительно одинаковое разнообразие эпитетов в обоих лексико-семантических полях, то в подгруппах №8 и №9 широкому лексическому спектру поля *жизни* соответствуют лишь малочисленные эпитеты *смерти*. Так, в рамках подгруппы №8 (степень целесообразности, защищенности, уверенности) *жизнь* отображается как *беззащитная, бесприютная, беспутная, бесталанная, вздорная, незадачливая, непутевая, удивленная*, при этом замечен акцент на незащищенности и

недостаточной осмысленности; *смерть* же получает характеристику как *доверчивая* и *растерянная*. В подгруппе №9 (греховность и праведность, наличие и отсутствие) полнота отображения *жизни* и *смерти* контрастирует еще больше: десяти разным эпитетам *жизни*, дающим в совокупности 14 примеров и представляющим оба полюса при разделении на греховное и праведное (*алчная, грешная, девственная, жадная, невинная, неповинная, праведная, развратная, святая, сладострастная*) в поле *смерти* соответствует единичный эпитет *невинная*.

В рамках подгруппы внутренних качеств обращает на себя внимание не просто частое столкновение дискурсивных образов *жизни* и *смерти* в узком контексте, но и их лаконичная характеристика по принципу антитезы, позволяющей подчеркнуть противоположные качества противоположных же понятий. Так, в первой из приведенных ниже цитат контекстуальное сопоставление *жизни* и *смерти* позволяет оценить их с точки зрения ментальных способностей, а во второй противопоставить по признаку свойству говорить правду или лгать: *Как жизнь забывчива, как памятлива смерть.* (Ахматова) – Сравни: *Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь...* (Гумилев)

Контекстуальное столкновение *жизни* и *смерти* может служить почвой для сопоставления не столько названных понятий, сколько различных «вариантов» одного из них. Так, в приведенной ниже цитате сравниваются не столько *жизнь* и *смерть*, сколько *жизнь* достойная и *жизнь* недостойная, «правильная» и «неправильная», в результате чего в качестве главной ценности утверждается не само наличие *жизни* как таковой, но ее качество, безусловный примат соответствия внутреннему эталону: *И рано нас равнять с болотной слизью – / Мы гнезд себе на гнили не соведем! / Мы не умрем мучительною жизнью – / Мы лучше верной смертью оживем!* (Высоцкий)

Что касается общих для *жизни* и *смерти* эпитетов, то к ним относятся качественные *блаженная, верная, веселая, грозная, грубая, грустная, жестокая, злая, кроткая, лихая, милая, невинная, нежная, печальная, пьяная, шальная*, которые дают в сумме 41 пример эпитетов *жизни* и 28 примеров эпитетов *смерти*, что составляет в двух лексико-семантических полях 32,03 и 53,85% соответственно и отличается от совокупного показателя по общим эпитетам менее чем на 10%.

Заключение

Сказанное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1. Характеристика как *жизни*, так и *смерти* в рамках одной и той же подгруппы часто оказывается полярной, что в силу количественной представленности более заметно в лексико-семантическом поле *жизни*.

2. В подгруппах с семантикой качеств по отношению к окружающим и основным эмоциям, ощущений, настроения в лексико-семантических полях *жизни* и *смерти* преобладают эпитеты негативной окраски.

3. В плане интенсивности проявления жизнь в сравнении со смертью отражается в поэтическом дискурсе как начало безусловно более активное, спонтанное, сильное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Логинова, М. М.** Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. М. Логинова ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2017. – 26 с.

2. **Апресян, Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

3. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

4. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.

5. **Степанов, Ю. С.** Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

6. **Шмелев, А. Д.** Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

7. **Александрович, Н. В.** Экзистенциально-значимые концепты LIFE/ЖИЗНЬ и DEATH/СМЕРТЬ в оригинале и переводах художественного текста / Н. В. Александрович // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 4 (11). – С. 45–49.

8. **Дзюба, Е. В.** Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.

9. **Пономарева, Е. Ю.** Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова)

: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Ю. Пономарева ; Тюменский гос. ин-т. – Тюмень, 2008. – 27 с.

10. **Прохорова, А. В.** Биполярность концепта «Жизнь / Смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева / А. В. Прохорова // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 224–241.

11. **Папейко, А. А.** Метафорическое осмысление жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: глагольные конструкции со значением субъекта / А. А. Папейко // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2023. – № 5(126). – С. 93–100.

12. **Папейко, А. А.** Качественная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой / А. А. Папейко // Известия Смоленского гос. ун-та. – 2023. – № 4 (64). – С. 89–101.

13. **Папейко, А. А.** Лексический репрезентант концепта *ЖИЗНЬ* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: субстантивные метафоры / А. А. Папейко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2024. – № 1 (63). – С. 81–85.

14. **Папейко, А. А.** Жизнь как объект глагольного действия в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой / А. А. Папейко // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2024. – № 1 (63). – С. 179–184.

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: ruscorga.ru. – Дата доступа: 01.09.2023.

Поступила в редакцию 02.09.2024 г.

Контакты: anatoly_papeiko@mail.ru (Папейко Анатолий Анатольевич)

Papeiko A. A. EPITHETS OF LIFE AND DEATH IN THE RUSSIAN POETIC DISCOURSE OF THE XX–XXI CENTURIES: SEMANTICS OF INTERNAL QUALITY

The article examines the features of the figurative characteristics of life and death in the Russian poetic discourse of the XX – XXI centuries. The following subgroups of epithets with general semantics of internal quality are described: attitude towards others; sadness and joy; intensity of manifestation; carelessness and anxiety; greatness and baseness; mental properties; dependence on physiological state; sinfulness and righteousness; level of culture, etc.

Keywords: concept, lexical representative, Russian poetry, poetic discourse, semantics, epithet, life, death.